

из главных тем **Юрия Арабава** — только что перешагнувшего сорокалетний рубеж известного поэта и писателя, сценариста фильмов **А. Сокурова** и многих других, заведующего кафедрой киноматериалов ВГИКа, в последние годы стала судьба современной русской интеллигенции. Об этом его разговор с нашим специальным корреспондентом.

— Юра, в последние годы тебе — сценаристу, поэту — известности добавили статьи по метан истории нашего общества. Как получилось, что ты обратился к этому виду творчества?

— Совершенно неожиданно. Просто в разные периоды жизни хочется какой-то особой формы для выражения своих мыслей. Свою же линию в кино я считаю несколько исчерпанной. Происходит смена вех кинопроизводства — другое финансирование, другие требования. Да и я, по-видимому, уже не тот сценарист, который работал для разных режиссеров, включая Сокурова. Когда пишешь сценарий, то не можешь нести полной ответственности даже за получившиеся фильмы. Сейчас мне нужен материал, которым я сам бы полностью распоряжался, выстраивал собственный мир. Поэтому я и перешел на прозу. И иногда пишу статьи. Это форма моей профессиональной работы. И хотя литературная попытка навязывания своей точки зрения относительно безопасности, в отличие от партийной, которая крайне опасна, я не хотел бы, чтобы мои статьи могли служить руководством к действию. Какому-то ни было.

— Значит ли это, что ты принципиально отвергаешь возможность создания каких-то новых ориентиров, взамен оказавшихся ложными?

— Здесь никаких тайн на самом деле нет. Надо просто потратить 500—600 долларов и слетать в Америку или в Японию. И посмотреть, есть ли там ориентир. Их нет. Нет в том смысле, что писатели и интеллигенция, под которой я подразумеваю интеллектуальную элиту, подобных ориентиров не создает. Она там вся рассредоточена по университетам, маленьким городкам; аудитория ее крайне мала. Я не верю, что будущее принадлежит интеллигенции как властительнице дум, объясняющей всем: «Вот это нужно, а вот это не нужно». Поскольку при существующей системе связь между людьми поддерживают в основном деньги и чуть-чуть церковь. Церковь именно в преломлении каких-то фундаментальных, всемирных ценностей. И все. Остальное — как бы разливанное море различных теорий, книг и прочего, которые не имеют никакого влияния на судьбу западного человека. То же самое ожидает Россию. Она, на мой взгляд, прощается со своим великим прошлым и вступает в зауряд-

ное настоящее. И слава Богу. Да, настоящее выглядит в культурном смысле более плоским, но зато человека просто так не схватят на улице и не поволочут в тюрьму. Главное — не навязывать свой образ мыслей всем остальным. Мне многое не нравится. Мне сам тип цивилизации, в которую мы астуем, не по душе. Но я приемлю этот мир как меньшее из двух зол. Кто-то сказал: «Ужасно плохо буржуазная демократия, но ничего лучше не выдумали». Это все-таки лучше того открытого сатанизма, который существовал у нас. А если, предположим, создастся такая ситуация, что интеллигенция опять станет властительницей дум, то это значит, что у власти в это время будет фигура сугубо тоталитарная, которая попытается повернуть развитие страны вспять.

— Некоторые считают, что церковь способна задать ценностные ориентиры нашим дезориентированным людям.

— Нет. Церковь ничего не «задает» и, по-видимому, в будущем ничего «не задаст». Деньги и экономика. Только это. Вот ты сказал, что люди дезориентированы. Просто очень большое количество людей впервые поняло, что человек, оказываясь, должен отвечать сам за себя. Должен, оказываясь, нести ответственность за каждый свой поступок. Бороться за свою профессию, за свое существование. Волен выбирать тот, другой или третий путь. Но ведь это элементарные постулаты цивилизации! Цивилизация же в России с приходом к власти известной нам партии находилась просто на пещерном уровне. Культура развивалась, поскольку цивилизация она не сводится. Однако благодаря историческому пути в XX веке многие из наших людей никак не могут выйти из подросткового возраста. Такой народ-подросток, которому нужна бесконечная опека со стороны государства, писателей или какой-то еще другой стороны. Ситуация же опеки, грубо говоря, глубоко архаична в современном мире.

И вследствие этого тот, кто не сможет приспособиться, умрет, как ни жестоко это звучит. Может, и я умру, и многие мои друзья. Это очень печально... Тяжело для интеллигенции дается прощание с привычным типом культуры, начавшееся с эры Горбачева? Тя-

жело. Но надо смиряться. Как говорил Ницше: «Нужно уважать собственное несчастье». А у нас из несчастья делают товарный знак. Такой ярлык: «НЕСЧАСТНЫЙ». Страдает от того, что Россия погибла.

— Некоторые даже гордятся этим.

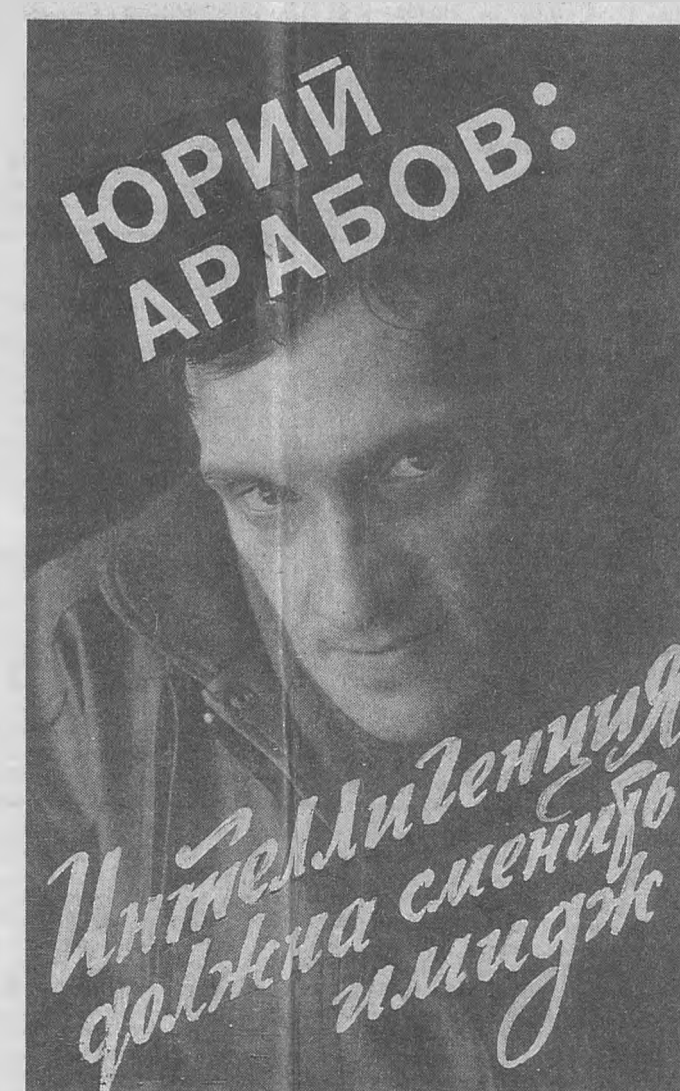
— Ну и пусть гордятся. А я считаю, что гордиться нечем. Нужно в конце концов принимать жизнь такой, какая она есть, и стараться, чтобы она не стала совсем плохой. Я, например, веду жизнь такого европейского среднестатистического литератора, который пишет в стол, меньшую часть публикует, преподает студентам. Эта апробированная в мире модель имеет у нас некоторые издержки, поскольку преподавать в университете, скажем, в Америке и здесь — это все-таки пока разный уровень оплаты и прочего. Но считаю, что тиражи моих книг, разошедшиеся в девяностые годы, — это даже много. Я для себя решил, что пишу для 5 тысяч человек. Я знаю людей, которым нужно то, что я делаю. Я не хочу претендовать на большее. Я себя смиряю. Все остальное — гордыня. Интеллигенция наша, кроме всего прочего, больна гордыней. И оборотной ее стороной — унынием. Нужно быть скромнее, точнее, деловитее. Все как-нибудь устроится.

Это мировой процесс, за которым, конечно, просматривается чья-то воля. Воля не «Синодских мудрецов», естественно, и не «мирового капитала», а каких-то сил, которые не всегда, скажем так, сопрягаются с нашими желаниями. Мир объединяется, и мы обречены стать частью его. Нравится это нам или нет.

— То есть ты считаешь метан исторические описания не просто способом выражения мысли, а чисто мистически в это веришь?

— Дело не в том, верю я или не верю. Просто я в этом живу. Не знаю, почему так получилось, и хорошо ли это. Это не значит, что все написанное в книгах по метан истории правда. Но есть там и вещи, внушенные, за которыми есть какой-то глубокий, так называемый объективный смысл.

Я верующий человек. Для меня в историческом процессе должна быть априори логика, то есть он не должен представлять из себя хаос. А логика — это значит некая воля. Значит, нас ведут к определенному финалу человеческой истории, который предсказан в известной книжке и для которого нужен объединенный мир. Мир разъединенный отчасти мешал осуществлению этого последне-

го акта драмы. Поэтому мы, «советские», и пали. Поэтому падают и все остальные режимы, которые не укладываются в космополитическую концепцию. Наша интернациональная доктрина оказалась нежизнеспособной в основном потому, что на первый план выдвигался определенный слой людей, которые оказались совершенно неприспособлены ко многому. А космополитическая доктрина принимает все социальные слои. И этим она предпочтительнее. И на ее основе идет объединение мира.

Да и из чего исходя мы должны строить Россию? Из стихов Тютчева? Из русской идеи Третьего Рима, как нам предлагали? Но мы уже строили, исходя из других писателей: Маркса-писателя, Ленина-писателя и прочих. Ясно же, что это не работает!

— Отрицание для России особого пути развития подразумевает, что, войдя в объединенный мир, она перестанет быть собственно Россией со столь своеобразным народом и культурой.

— Во многом перестанет. Боюсь, что уже сейчас невозможно что-то поправить. Судя по всему, Россию подкосила индустриальная цивилизация. По-видимому, путь России, как он складывался в XIX веке, это все-таки путь высокоразвитой аграрной страны, которая организована бы полмира, а то и весь мир. Основа России — это крестьянская община и все, что с ней связано. Мы это потеряли, но терять начали не с большевиками, а раньше. Если говорить о своеобразии, как я его понимаю, оно лежит именно в этом — некой альтернативе машинной цивилизации. Скажем так, в идеале — гигантская Новая Зеландия со всеми вытекающими последствиями, в том числе и культурными. Но поскольку мы это потеряли, я не верю, чтобы Россия снова встала на этот путь. По-видимому, это будет машинная цивилизация, такая же, как в США. То есть я уверен, что Россия войдет в десятку развитых стран через какой-то достаточно короткий историче-

ский период, что у нее будет сильная геополитика и пр. Здесь у меня никаких сомнений. А вот со всем остальным начинаются, конечно, проблемы... Я думаю, какое-то своеобразие, если его можно так называть, будет еще некоторое время сохраняться, но в принципе различие между США и Россией будет значительно меньше, чем между США и Японией.

— Ну и какова может быть роль культуры в наше переломное время, если от целенаправленной она освобождается? Может ли она помочь людям жить?

— Роль культуры только в одном — научить людей зло называть злом, а добро — добром, отличать бога от черта и только и только, и всего лишь в этом состоит задача творчества. Конечно, может, то, что я сейчас говорю, слишком тоталитарно, поскольку постмодерн утверждает как раз разность всех потенциалов, бога и дьявола, но я считаю именно так. В этом плане культура может помочь людям. Но если даже, предположим, я не буду писать и тысячи других писателей не будут писать, то сильно ситуация не изменится. В новом обществе хорошо работающие правоохранительные органы сделают больше, чем какая-нибудь эпопея. Люди просто должны понять, что жизнь — это ежедневное, ежeminутное усилие. Я думаю, что и художники могут здесь помочь. Причем этим занимается масскультура. Потому что любой американский боевик и об этом тоже. Так что неизвестно, на чем больше можно научиться: на Толстом или какой-нибудь фильме «Попутчик». Конечно мне бы хотелось, чтобы мы учились на Толстом. Но я в этом отношении пессимист. Короче говоря, я веду к тому, что просто жизнь сама научит.

— Так получилось, что кризис классической культуры совпал у нас с разрушением культуры советской, существенно стнее отличной.

— Я считаю, что советская культура, как это ни странно, во многом наследница культуры XIX века с ее просветительским пафосом, с ее сочувствием к угнетенной твари и прочим, хотя в русской культуре было еще много другого. Просто советская культура — это ее более узкий вариант и доведен до своего логического, как бы полного воплощения. Распрощаемся ли мы с этим? Я думаю, уже распрощались...

— И все же как быть с созданным этой культурой весьма своеобразным менталитетом советских людей, многие из которых сейчас растеряны, дезориентированы?

— Кто растерян? Ты растерян? Я тоже нет. Хотя мы с тобой не ездим на «мерседесах». Растеряны люди, что-то имевшие от прежнего режима.

— И как, по-твоему, должна вести себя интеллигенция, когда ее роль в обществе столь кардинально меняется?

— Интеллигент должен стать специалистом, а не трепачом. Интеллигенция должна разбираться не в мироздании, в котором, я думаю, она в итоге все-таки не смогла разобраться. Иначе бы так колесом не пошла русская история. Она должна разбираться в машинах, компьютерах, Ренессансе, протестантизме и пр. Дело в том, что быть специалистом — это первое, а мироздание — второе. Западный интеллигент тоже очень любит говорить о мироздании. Но мироздание у них больше под таким социальным углом. Они значительно большие социалисты, чем мы. У нас часто все это чеховские интеллигентские восклицания: ПРАВДА, ДОБРО и ПРОГРЕСС! А потом уклоняются и умывают руки. Какова сейчас позиция многих интеллигентов? Самая непривлекательная. Они подготовили, в общем, приход Ельцина к власти, вынесли его на этой волне. Они приветствовали реформы. А когда те начали осуществляться — об издержках никто не думал, само собой разумеется, — отшатнулись, говоря: «Это не наше». Вот это совершенно отвратительная черта российской интеллигенции — эта безответственность за то, что происходит со страной, этот треп бесконечный. И она, конечно, понесет за это ответ.

Я считаю, что российская интеллигенция должна сменить свой имидж. Имидж нашей интеллигенции — это вечная оппозиция. А сейчас должна быть поддержка правительства, какими бы плохими оно ни было, если оно проводит так называемые демократические реформы. Поэтому я пассивно поддерживаю все партии, которые придерживаются демократической ориентации. Вот только и всего. И работать, работать...

— Одной из издержек демократизации общества можно считать смещение ее со вседозволенностью. Как ты относишься к такому ее проявлению, как широкое распространение эротической продукции?

— Я отношусь к этому, как к еще одному товарному знаку. Просто еще одна проблематика, на которой можно сделать деньги. А так это ни хорошо, ни плохо. Ну вот спекуляция на чем-то — это хорошо или плохо? Если это художественно, то может быть, и хорошо. А может быть, и отвратительно. Плохо, что этому отводится

слишком большое место. Грубо говоря, за этим перестают виднеться отблески из другого мира. Вот как машина фарами даст в темноте — и видишь только этот свет, звезд уже не видишь. Просто пока эта такая пища для бедных. Когда появится другая пища — все будет спокойнее, и это отойдет на свое место, которое уже никто отобрать не сможет. Что касается более культурных пластов, для меня за этой проблемой стоит темное место в христианской культуре. Я считаю, что христианство не уделяло этой теме достаточного места. И эту насущную потребность боком и искаженно компенсирует светская культура.

— Сейчас происходит смена не только культурных ситуаций, но и смена поколений. Считаешь ли ты вообще значимым подобный термин и что можешь сказать о нашем с тобой поколении?

— Ну скоро наше поколение будет занимать ведущее место, просто потому, что оно придет к власти в этой стране. Наше поколение — это ведь и Явлинский, и Немцов, и даже Гайдар, а такие скоро будут ведущую роль играть. Но это номинально. Другое дело, что поколение характеризуют два обстоятельства: крупное историческое событие, вокруг которого оно объединено, и крупные личности. У нас сверхкрупное историческое событие существует, один фактор есть — это перестройка и все, что произошло потом. А осевой же фигуры пока не видно. Грубо говоря, нет второго слагаемого, чтобы говорить о нас, как о состоявшемся поколении.

— А откуда ты начинаешь отсчет нашего поколения? Мы что, сразу за шестидесятниками?

— Там была какая-то такая яма небольшая. Она пришлась на тех людей, которым сейчас 50 лет. Их физиономии в метафизическом смысле совершенно размыты. Хотя среди них есть некоторые известные люди, но чудовищной скукой от этих людей лично на меня веет. И неопределенностью. Мне кажется, что это люди, совершенно себя не нашедшие...

С другой стороны, бессмысленно противопоставлять себя шестидесятникам. Говорить, что мы хорошие, а они плохие. Все это — та же борьба за власть в общественном мнении. Совершенно бессмысленная. Пещерная. Глубоко провинциальная. Каждое поколение стоит одно другого. Так что мы лучше не будем, но роль свою сыграем...

Беседу вел
И. ПЕТРОВ.